

Академик

И. М. МАЙСКИЙ

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИЧЕРИН

(к 100-летию со дня рождения)

Основоположителем советской дипломатии, как и всего Советского государства, был В. И. Ленин. Он дал советской дипломатии главные идеи, во многом определил и ее формы. У В. И. Ленина здесь были выдающиеся и талантливые ученики и помощники. Среди них, несомненно, выделялся Г. В. Чичерин, руководивший Народным Комиссариатом Иностранных дел (НКВД) в 1918—1928 гг. На этом посту Г. В. Чичерин — выдающийся дипломат ленинской школы — внес немалый вклад в укрепление международного положения Советского государства, в частности в обеспечение благоприятных внешнеполитических условий для создания в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик, 50-летие которого широко и торжественно отмечается в этом году.

Я близко знал Г. В. Чичерина по совместной эмиграции в Лондоне и позднее по совместной работе в ведомстве иностранных дел. И вот что встает в моей памяти.

* * *

Уже сама внешность Г. В. Чичерина привлекала к себе внимание: высокий, плотный шатен с рыжеватой бородкой клином; умное интеллигентное лицо с большим лбом и слегка начинающейся лысиной; во всей фигуре какое-то прирожденное изящество. Самым замечательным в Чичерине были глаза: острые, беспокойные, ищущие. И движения: быстрые, неожиданные. Все вместе оставляло впечатление особого «шарма». Глядя на Георгия Васильевича, невольно думалось: «Какой интересный человек! Есть в нем что-то необычное!»

И действительно Георгий Чичерин был своеобразной и интересной личностью. Начать с происхождения. Он родился в ноябре 1872 г. в семье тамбовского помещика, довольно видного дипломата царской службы. Род Чичериных был знатный и старинный. У меня было впечатление, что сам Георгий Васильевич старается забыть это. Во всяком случае он никогда об этом не упоминал. Но я сам как-то заинтересовался его родословной и, порывшись в разных справочниках и энциклопедиях, нашел там немало любопытных материалов.

Когда в 1453 г. турки завоевали Константинополь и последний византийский император Константин XI пал в бою, его семья нашла убежище в Риме. Римский престол, стремясь вовлечь Россию в свои международные комбинации, выдвинул проект женитьбы овдовевшего царя Ивана III на племяннице последнего византийского императора, Зое Палеолог, воспитанной в католической вере. Москва со своей стороны, считая себя после падения Константинополя наследницей Византии, искала способы видимого

установления этой преемственности. В такой обстановке Зоя Палеолог в 1472 г. в сопровождении большой свиты прибыла в Россию и стала здесь московской царицей под именем Софьи. В составе ее свиты находился итальянец Афанасий Чичерин, который и положил начало роду Чичериных.

На протяжении последующих веков из этого рода вышло немало видных представителей царской администрации, в том числе Борис Чичерин, профессор государственного права в Московском университете, московский городской голова, юрист и философ, один из руководителей русского либерального дворянства.

Сам Георгий Васильевич, племянник Бориса Николаевича Чичерина, отличался блестящей памятью, получил прекрасное образование, с детства говорил на нескольких языках, играл на рояле и флейте, окончил в 1895 г. в возрасте 23 лет историко-филологический факультет Петербургского университета и в 1898 г. поступил на службу в главный архив министерства иностранных дел. Казалось, перед ним открывалась блестящая карьера царского дипломата... Но жизнь решила иначе: он стал профессиональным революционером.

Россия в то время была беременна революцией 1905 г., и быстро накалявшаяся атмосфера оказала сильное влияние на молодого Чичерина. Он стал знакомиться с социалистической литературой и с деятельностью нелегальных революционных организаций. В 1904 г., еще числясь чиновником министерства иностранных дел, Чичерин уехал в Берлин с целью более глубокого изучения марксизма и прогрессивных движений на Западе. Здесь он принимал активное участие в деятельности русской революционной эмиграции и вступил в ряды РСДРП, примкнув вначале к ее меньшевистскому крылу. В 1908 г. Чичерин был выслан из Пруссии и переехал в Париж. Тогда же он был официально исключен из списков чиновников царского министерства иностранных дел, и департамент полиции отдал приказ об его аресте при появлении на российской границе. В Париже Чичерин прожил до конца первой мировой войны, работая секретарем центрального бюро социал-демократических групп за границей. После начала мировой войны Чичерин поселился в Брюсселе. Вторжение германских войск в Бельгию заставило его перебраться в Лондон, где он и оставался до своего возвращения в Советскую Россию в январе 1918 г.

Как видим, Георгий Васильевич был одним из тех лучших представителей старого господствующего класса, которые, улавливая свежие веяния новой эпохи, резко порвали со своим прошлым и твердо переходили на сторону поднимающегося класса, идущего на смену отжившим историческим силам.

* * *

Воссоздавая сейчас духовный облик Г. В. Чичерина, я склонен думать, что в его характере было что-то роднившее его с русскими революционерами 70—80-х годов прошлого века, вышедшими из дворянской среды. Поставив крест над своим прошлым, Георгий Васильевич с какой-то необузданной самоотверженностью отдался тому новому делу, в которое он поверил.

В прошлом Георгий Васильевич любил изысканно и красиво одеваться, теперь он стал носить только дешевые рабочие костюмы. В прошлом Георгий Васильевич любил хорошо поесть, понимал толк в дорогих винах, теперь он стал вегетарианцем и абсолютным трезвенником. В прошлом Георгий Васильевич любил театр, оперу, балет, теперь он совершенно отказался от каких бы то ни было развлечений. В прошлом Георгий Васильевич был музыкантом, хорошо играл на рояле, теперь он перестал даже подходить к инструменту. За все годы эмиграции товарищам удалось только один раз, 1 мая 1916 г., убедить Георгия Васильевича ударить по клавишам: помню, он сыграл марш из «Фауста» — и это было поистине блестящее исполнение. В прошлом Георгий Васильевич тратил немало денег на себя, теперь он стал жить спартанцем, а свои довольно значительные средства передавал партии. Став социал-демократом, Георгий Васильевич считал, что каждая минута его жизни принадлежит революции и только революции. И действительно, Чичерин-эмигрант был занят с утра до поздней ночи всевозможными общественными делами — встречами, собеседованиями, собраниями, писанием статей и прокламаций.

Как сейчас вижу Чичерина тех дней. Его полутемная мансарда, помещавшаяся по адресу: Qakley Square, № 12, глядела своим единственным окном на закопченные лондонские крыши. В ней было сыро и неуютно. Посередине стоял простой четырехугольный стол без скатерти, на котором в каком-то фантастическом беспорядке перемешивались книги, газеты, письма, тарелки, чашки, остатки еды и недопитые бутылки лимонада. В углу помещалась небрежно застланная постель, на которой Чичерин любил сидеть во время разговора с посетителями. На полу, вдоль стен, подымались горы сваленных в кучу бумаг, газет, тетрадей, памфлетов, листовок, толстых словарей, справочников, многотомных энциклопедий. Горы эти были так высоки, что доходили до подоконника, и так широки, что между ними и столом едва можно было протиснуться человеку. Печатные материалы буквально затопляли комнату, их шелестящие волны все больше захлестывали даже чичеринскую постель. Все, конечно, было покрыто густым слоем лондонской кошоти, заставлявшей чихать каждого гостя. Хозяйка дома вначале шталась вести борьбу с хаосом, царившим в комнате странного постояльца, но, убедившись в тщетности своих усилий, скоро махнула на Чичерина рукой.

Около полудня Чичерин обычно покидал свою мансарду и начинал путешествие по Лондону. Он надевал длинную широкую крылатку, купленную им, видимо, в Баварии. Когда-то крылатка была красивого темно-зеленого цвета, но в лондонские дни она выглядела сильно выцветшей и поблекшей. Однако Георгий Васильевич по целому ряду соображений не считал возможным купить новую. Карманы крылатки были всегда туго набиты письмами, отчетами, газетными вырезками и всякими иными материалами. Кроме того, Чичерин носил с собой довольно большой коричневый чемоданчик, где помещалась его походная канцелярия: блокноты, бумага, грифельная доска для вычислений и, наконец, «стило», т. е. стеклянная палочка в виде карандаша, с помощью которой через копирку можно было сразу писать в пяти экземплярах.

Сколько раз, бывало, Георгий Васильевич заходил в мое скромное обиталище (я жил тогда по адресу 25 Milton Road Highgate) и, сообщив какую-либо очередную новость, вежливо спрашивал:

— Я вам не помешаю?

И когда я, разумеется, отвечал, что не помешает, Чичерин тут же выгружал содержимое своих глубоких карманов, открывал чемоданчик и принимался за работу. Я сидел и читал или писал, а Чичерин рядом занимался своими делами: просматривал письма и документы, с помощью «стило» размножал ответы, сочинял листовки или готовил материал для речей и докладов. Потом Георгий Васильевич надевал крылатку и отправлялся на следующее свидание, где повторялось то же самое.

В те годы некоторые товарищи любили подтрунивать над изумительной сосредоточенностью, над феноменальной работоспособностью Чичерина. Но как эти качества ему пригодились позднее, когда он стал наркомом иностранных дел!

Чем бы Георгий Васильевич ни занимался, он старался все сделать возможно лучше, обо всем позаботиться, все предусмотреть. Один случай особенно ярко врезался мне в память.

В ноябре 1912 г. я решил из Мюнхена, где прожил до того четыре года, перебраться в Лондон в целях более близкого ознакомления с английским рабочим движением. По дороге я остановился в Париже и зашел к Чичерину как к секретарю бюро заграничных с.-д. групп, жившему тогда под партийной кличкой «товарищ Орнатский». Когда я уходил, Чичерин почти насильно засунул мне в карман удостоверение центрального бюро заграничных групп в том, что я являюсь политическим эмигрантом и преследуюсь царскими властями. Оно мне казалось совершенно ненужным для пребывания в тогда еще «либеральной» Англии. Но Чичерин все-таки настоял на своем, приговаривая: «Возьмите на всякий случай, авось пригодится».

Еще как пригодилось! В те времена в Англии существовало правило: все пассажиры 3 класса обязаны предъявить на границе 5 фунтов как свидетельство того, что они не станут бременем для той британской общины, где они будут проживать. Я не знал об этом правиле, а в кармане у меня имелось всего лишь 3 фунта и 15 шиллингов. Таможенные власти отказались меня пропустить и предложили с тем же пароходом вернуться во Францию. В отчаянии я показал таможенникам удостоверение, выданное Чичерным, и меня пропустили.

При всей своей преданности делу революции Чичерин не сразу пришел к большевизму. Еще во время первой мировой войны он стоял на позиции меньшевиков-интернационалистов (т. е. противников войны, но без ленинского лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую). Однако в огне первой мировой войны горел меньшевизм Чичерина, и весной 1917 г., накануне моего отъезда из Лондона в Москву, он прямо мне сказал:

— В эпоху революции надо быть горячим или холодным, нельзя быть теплым... Я все больше прихожу к убеждению, что меньшевики — это жирондисты русской революции, их ждет судьба жирондистов... Мне с ними не по пути, хотя в прошлом я был связан с меньшевиками... Но война меня многому научила, и сейчас все мои симпатии на стороне русских якобинцев...

Чичерин на мгновение запнулся и затем решительно прибавил:

— Т. е. большевиков.

В течение последующих месяцев Чичерин вел себя как настоящий большевик, развивая антивоенную пропаганду не только среди русских эмигрантов, но и среди английских рабочих. За это он попал в английскую тюрьму, а потом был выслан из Великобритании в Россию. Прибыв в начале 1918 г. в Москву, Чичерин уже официально вступил в ряды РКП(б).

* * *

Те 10 лет, в течение которых Г. В. Чичерин возглавлял советское ведомство иностранных дел, были бурной и многообразной эпохой, в рамках которой решились величайшие проблемы человеческой истории. Это было переломное время, когда стала явно заходить звезда капитализма и не менее явно восходить заря социализма. Естественно, шли большие бои между старым и новым. Рушились вековые привычные устои, нарождались новые идеи, требования, формы жизни. На этом пестром, сложном и противоречивом фоне Чичерину пришлось прокладывать линию советской внешней политики. К счастью, от природы он обладал склонностью к широким обобщениям и глубокому анализу и не был лишен известной доли романтизма. Эти качества под руководством великого Ленина облегчали ему умело ориентироваться в запутанной мировой обстановке и строить большие политические концепции.

В деятельности Чичерина как наркома иностранных дел можно отметить пять главных моментов.

Первый момент — это подписание Брестского договора. Чичерин вернулся в Советскую Россию, когда бывший до того наркомом иностранных дел Троцкий, возглавлявший советскую делегацию на переговорах с немцами в Бресте, вопреки решению ЦК партии и личным указаниям В. И. Ленина сорвал переговоры и, отказавшись подписать предложенный германской стороной мирный договор (тяжелый, но в сложившейся обстановке неизбежный), заявил: «Войны не ведем, но мира не заключаем». Немцы использовали предательский поступок Троцкого, начали наступление на почти безоружную в тот момент Советскую страну и дошли до Пскова. Положение еще более осложнялось тем, что внутри страны «левые коммунисты» во главе с Бухариным требовали ликвидации мирных переговоров и объявления «революционной войны». Смертельная опасность нависла над революцией. Тогда глава Советского правительства В. И. Ленин принял решительные меры: Троцкий был отстранен от переговоров, и в Брест поехала новая делегация во главе с Г. В. Чичериным, которая 3 марта 1918 г. и подписала Брестский договор, архитяжелый, как его определял В. И. Ленин, но дававший все-таки революции то, в чем она тогда больше всего нуждалась, — передышку. А восемь месяцев спустя ход истории, как известно, снял Брестский договор с порядка дня.

Второй момент — роль Чичерина в борьбе против капиталистического окружения в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Эта борьба велась дипломатическими и агитационными путями. Под непосредственным руководством В. И. Ленина Г. В. Чичерин и аппарат НКВД написали, опубликовали, передали по телеграфу и радио огромное количество разнообразных воззваний, обращений, призывов к широким массам

рабочих, крестьян, интеллигенции зарубежных стран, осью которых было стремление Советского государства прекратить войну. За годы гражданской войны и интервенции Советская Россия сделала свыше 20 предложений о мире, но все они, к сожалению, пали на каменистую почву. За те же годы Советское правительство направило бесчисленное количество нот, меморандумов, заявлений, адресованных правительствам иностранных держав, а также не раз применяло новую форму дипломатической борьбы в виде непосредственных, через голову зарубежных правительств, обращений к рабочим Англии, Франции, Германии, США.

Третий момент — большая, в полном смысле слова историческая работа в сфере отношений с восточными странами. Особое значение имело Обращение Советского правительства к народам Востока, где оно твердо ставило вопрос о самоопределении наций и решительно отказывалось от того империалистического наследия в зависимых и колониальных странах, которое ему оставил царизм. Наиболее ярко эта политика выявилась в подписании Чичериным в начале 1921 г. договоров с Турцией, Персией, Афганистаном, основанных на принципе полного равноправия между Советской Россией и ее партнерами. По их образцу в дальнейшем был заключен ряд аналогичных договоров с другими восточными странами (в том числе с Китаем). Таким образом, имя Г. В. Чичерина было навсегда связано с резким переломом в истории отношений нашей страны со странами Востока.

Четвертый момент — Генуя. В апреле 1922 г. усилиями главным образом Ллойд-Джорджа, тогдашнего премьера Англии, в Генуе была созвана большая международная конференция, призванная, как полагали, урегулировать отношения между Советской Россией и капиталистическим миром. По существу лидеры мировой буржуазии хотели сделать попытку набросить на шею революционного государства петлю покорности и экономической эксплуатации. Советская республика была приглашена на конференцию, и ее делегацию возглавлял Г. В. Чичерин¹.

То была первая открытая встреча двух противоположных миров на международной арене, и от ее исхода многое зависело. Г. В. Чичерин оказался здесь на высоте. Разумеется, соглашения не произошло, да и не могло произойти: буржуазия требовала за нормализацию своих отношений с Советским государством уплаты долгов царского и временного правительств, возвращения национализированной собственности иностранцев, отмены монополии внешней торговли. Советская делегация категорически отвергла эти требования и выдвинула контрпретензии за ущерб, причиненный нашей стране интервенцией. Впрочем, в интересах достижения приемлемого для обеих лагерей компромисса советская делегация готова была пойти на известные уступки при наличии равноценных уступок со стороны капиталистических партнеров. Эти последние тогда еще недооценивали значения и перспектив Советского государства, и поэтому генуэзские переговоры кончились крахом.

Г. В. Чичерин в качестве главы советской делегации провел всю эту большую и трудную кампанию блестяще, искусно сочетая твердость и гибкость в своей дипломатической борьбе. Много лет спустя Ллойд-Джордж в разговоре со мной (когда я был советским послом в Лондоне) рассказывал:

— Чичерину в Генуе было нелегко: один против всех нас! Но он превосходно маневрировал и вместе с тем твердо отстаивал позиции своего правительства. Хотя соглашения между сторонами не произошло, но лично Чичерин показал себя прекрасным дипломатом...

Очень важно было также — и это имело огромное историческое значение, — что советская делегация выдвинула в Генуе вопрос о разоружении. Но предложения советской делегации не были приняты.

Зато из Генуи Чичерин привез очень крупное политическое достижение иного рода. 16 апреля 1922 г. в местечке Рапалло под Генуей Чичерин подписал с германским министром иностранных дел Вальтером Ратенау договор, который устанавливал дипломатические отношения между обеими странами. Они взаимно отказывались от всяких

---

¹ Первоначально главой советской делегации был назначен В. И. Ленин. Однако в дальнейшем было признано, что не следует подвергать риску жизнь Владимира Ильича при выезде за границу, и вместо него делегацию возглавил Г. В. Чичерин.

двоенных претензий. По тем временам это было крупнейшей победой Советской России. Единый фронт капиталистических держав был прорван.

Пятый момент — длинная цепь дипломатических признаний буржуазными государствами образованного в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик. На протяжении каких-либо 12—15 месяцев (1924—1925 гг.) Советский Союз установил дипломатические отношения с Англией, Францией, Италией, Японией, Китаем, Мексикой, Швецией, Норвегией, Данией, Австрией, Грецией и другими буржуазными государствами. Разумеется, полоса этих признаний обуславливалась главным образом быстрым ростом экономического и политического значения нашей страны, а также громадной активностью Коммунистической партии. Этот процесс в немалой степени облегчался и личными качествами Г. В. Чичерина. Его высокая культура и широкая эрудиция, превосходное знание языков, понимание психологии буржуазных партнеров и умение с ними разговаривать, весь тот «шарм», который был присущ личности наркома по иностранным делам, помогал во многих случаях обходить ненужные острые углы, находить приемлемые компромиссы, ускорять переговоры об установлении дипломатических отношений. В результате к 1925 г. международный вес СССР сильно возрос, и это позволило Чичерину сделать дальнейший шаг: в 1925—1926 гг. были подписаны договоры о дружбе и нейтралитете с Турцией и Германией. Тем самым было положено начало серии пактов СССР с другими, прежде всего соседними, государствами, гарантировавших обеим сторонам принцип взаимного ненападения.

* * *

Кроме вышесказанного у Г. В. Чичерина была еще одна большая заслуга перед Советским государством — он внес крупный вклад в строительство советского ведомства иностранных дел.

Конечно, основные идеи и формы советской дипломатии исходили от В. И. Ленина. Владимир Ильич, как никто другой, понимал важность создания аппарата, который мог бы эффективно проводить их в жизнь. Поэтому с самого начала он искал людей, способных справиться с такой сложной и тонкой работой. Г. В. Чичерин был выдвиженцем В. И. Ленина, и он оказался действительно превосходным наркомом иностранных дел. В. И. Ленин был также инициатором выдвижения на дипломатическую работу ряда других видных деятелей. Помню, сам Чичерин мне как-то в 20-х годах рассказывал:

— Сразу после Октября советских дипломатов вообще не было. Когда в январе 1918 г. я приехал из Лондона в Москву, положение с дипломатическими кадрами было отчаянное... Владимир Ильич мне прямо сказал: дипломатов у нас нет, обучать людей для этого у нас нет времени, ищите среди наших партийных товарищей лиц, которые по своему характеру и образованию годились бы для дипломатической работы. Учебу они будут проходить в дипломатических боях, другого пути нет. Я вам буду всячески помогать... Да не только я, — весь ЦК... Владимир Ильич крепко держал свое слово... Он привлек к дипломатической работе Литвинова, Красина, Воровского, Коллонтай, Ротштейна — бывших эмигрантов-революционеров, которые подолгу жили за границей, знали иностранные языки, понимали быт и психологию других народов... Так был создан костяк советских дипломатов. Но, конечно, этого не хватало. Надо было пополнять их людьми иного порядка: то были закаленные в боях гражданской войны коммунисты, обнаруживавшие качества, пригодные для дипломатической работы. Не раз Владимир Ильич звонил мне по телефону: «Посылаю к Вам, имя рек, такого-то, он мне кажется подходящим для Вашей работы, посмотрите и решите». Эти находки Ильича обычно были очень удачны.

Постепенно под общим руководством Ленина и при непосредственной заботе Чичерина удалось создать аппарат НКВД, о котором Владимир Ильич писал: «Это, собственно говоря, единственный из наших наркоматов, который обновлен у нас полностью, который работает действительно на рабоче-крестьянскую власть и в ее духе»².

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 447.

Естественно, текущая, повседневная работа наркомата иностранных дел, в том числе и кадровая, ложилась на плечи Чичерина. И если Владимир Ильич так высоко оценивал качества советского ведомства иностранных дел, то это в немалой степени зависело и от его главы.

* * *

В Москве Чичерин проявлял — причем в невероятно увеличенном масштабе — те же свойства, которые отличали его в дни лондонской эмиграции. Правда, некоторые былые крайности ригористического порядка, о которых я рассказывал раньше, теперь частично смягчались. Чичерин по-прежнему был невероятно трудоспособен и энергичен. Личной жизни у него не существовало. Он все свои силы отдавал делу, т. е. партии и наркомату. Жилищем Георгию Васильевичу служила одна комната позади его рабочего кабинета, где он ел и спал (Чичерин до конца жизни остался холостяком). Все остальное время принадлежало делу, работе.

Привычка сидеть допоздна, которая была у Чичерина в Лондоне, теперь превратилась в регулярную работу по ночам. Он ложился спать в 6—7 часов утра и вставал в середине дня. Даже аудиенции иностранным послам нередко назначались после полуночи. Особенно часто ночным гостем Чичерина бывал первый германский посол после Рапалло граф Брокдорф-Ранцау — сам тоже любитель работать по ночам, — с которым у наркома были хорошие отношения. Не раз, покончив с официальными делами, оба засиживались до петухов, беседуя на самые разнообразные научные, философские, литературные, музыкальные темы.

Довольно часто можно было видеть, как Чичерин, накинув почему-то на шею кашне, бродит ночью по коридорам НКВД, заходя в отдельные кабинеты и беседуя с сотрудниками, которые по долгу службы вынуждены были проводить ночи в служебных помещениях. ЦК несколько раз пытался ликвидировать ночную работу в НКВД, но это плохо удавалось.

В связи с ночной работой наркома у меня сохранилось одно яркое воспоминание. Дело происходило в ноябре 1922 г., когда Японию вынудили покинуть Владивосток. Наконец-то последний кусок советской земли, захваченный интервентами, вернулся в лоно Советской страны! Весь наш народ испытывал чувство глубокой радости и подъема. Я был в то время заведующим отделом печати НКВД. Почти рядом с моим кабинетом находился кабинет руководителя иностранного отдела РОСТА (Российского телеграфного агентства) — ТАСС еще не существовало, — которое размещалось в здании НКВД. Этим руководителем был молодой человек, 23 лет, Михаил Ефимович Кольцов. Между мной и Кольцовым существовали наилучшие отношения, и мы часто беседовали друг с другом. В ту ночь Кольцов был у меня, когда Чичерин пришел в мой кабинет, чтобы посмотреть последние телеграммы РОСТА об уходе японцев из Приморья. Чем дальше он читал, тем более светлело его лицо и оживлялась жестикуляция. Было видно, что он очень доволен вестями из-за рубежа. Вдруг Чичерин вскочил и, обращаясь ко мне и Кольцову, почти повелительно бросил:

— Пойдемте со мной!

Мы последовали за наркомом, не зная, куда и зачем он нас приглашает. Спустя несколько минут мы оказались в его официальном кабинете. Чичерин открыл стоящий здесь рояль и с силой ударил по клавишам. Мощные звуки полились, наполняя кабинет, разносясь по соседним коридорам. Мы с Кольцовым превратились в слух и внимание. Я не могу сказать точно, сколько времени и что именно играл Чичерин, хотя по общему характеру музыки мне показалось, что он целиком отдается чарам своего любимого Моцарта, возможно, было и немного импровизации. Второй раз после памятного мне музыкального сеанса Чичерина в эмигрантские годы я видел его за роялем. Это было великолепно. Порозовевшее лицо Чичерина было озарено каким-то глубоким внутренним светом...

Наконец, Чичерин в последний раз ударил по клавишам, поднялся и уже совсем другим, обыкновенным голосом сказал:

— Пора и за работу! Мне нужно сейчас отправить срочную шифровку в Берлин.

В конце 1928 г. Чичерин, после десятилетней работы на посту наркома иностранных дел, ушел в длительный отпуск по болезни. От природы он не отличался крепким здоровьем, а совершенно невероятная активность, которую он проявлял на протяжении своей жизни, не помогала его организму. В конце концов у Чичерина развился диабет, а в дальнейшем полиневрит. Чичерин уехал лечиться в Германию, и больше уже не вернулся к работе.

Последние годы своей жизни (Чичерин умер 7 июля 1936 г.) он провел в Москве. Жил он почти затворником, посвящая свое время главным образом писанию труда о Моцарте. Несколько раз за этот период я получал от него письма, в которых он просил меня прислать ему некоторые книги и лекарства, а также купить для него в определенном лондонском магазине (я был тогда советским послом в Англии) пару галстуков, которые он привык носить в эмиграции. Конечно, я с величайшей охотой выполнял эти маленькие поручения человека, с которым меня так тесно связывало прошлое и который занес свое имя на одну из самых славных страниц истории нашего государства.